

Муз. обозрение - 2002 - 111
(ноябрь) - с. 9

И. Кияненко в 1972 окончил Ленинградский институт культуры им. Крупской по специальности «культурно-просветительная работа, режиссер театрального коллектива». В 1973 приехал в Саратов. Работал зав. отделом культуры Саратовского облисполкома, директором Саратовского областного Дома народного творчества, руководителем научно-методического центра. В 1982—92 — директор Саратовского театра оперы и балета, в 1992—98 — начальник Управления культуры Саратовской области (в 1996—98 — министр культуры). С 1998 — вновь директор театра. Заслуженный работник культуры. Действительный член Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург). В 2002 И. Кияненко отметил еще один юбилей: 30-летие семейной жизни. Жена Наталья — декан театрального факультета Саратовской консерватории, сын Дмитрий (28 лет) — директор Театра кукол.

— Саратовский оперный театр — уникальный пример тандема художественного руководителя и директора. В России аналогов нет: обычно центральной является одна фигура (со всеми вытекающими отсюда последствиями) — главный дирижер, главный режиссер или директор. Ваш «дуэт» в течение многих лет определяет образ театра, благодаря ему четыре года назад Собиновский фестиваль обрел новое качество. В чем секрет?

— Я и сам на эту тему все время думаю! Мы с Юрием Кочневым с первого дня выбрали правильную тактику. Получив предложение быть директором театра, я полтора месяца сомневался: идти — не идти. Я очень боялся: у меня нет музыкального образования, только театральная режиссура... А потом решил: «Схожу к Кочневу». Конечно, мы друг друга знали, но не очень близко.

Мы сели, поговорили. Я сказал: «Юрий Леонидович, я не музыкант и за дирижерский пульс никогда не встану. Но что касается административных дел, то тут у меня опыт есть. И если мы будем работать честно друг с другом, то, может, у нас получится». Кочнев согласился. Договорились, что друг друга не подставляем и все решаем совместно. И четко разделяем функции.

Это не значит, что за все годы у нас не было конфликтов. Были, но мы решаем их сами, вдвоем. В театре до сих пор все думают, что нас водой не разольешь. И знают, что бесполезно идти к Кочневу жаловаться на Кияненко и наоборот.

Если одному из нас что-то не нравится в действиях другого, мы эти вопросы разбираем один на один.

И все 20 лет мы стараемся этому принципу следовать. Я убежден: если идут распри — то это уже не театр.

— В чем реально выражается стиль «двойного руководства»?

— У нас четкое разделение: Кочнев курирует всех творческих работников, я — всех остальных. А что касается зарплат, то тут мы по каждой должности решаем вместе. Конечно, какие-то мелкие вопросы по административному персоналу я с ним не согласовываю, ему это и не нужно. А по творческому составу я с его мнением всегда соглашаюсь.

— Что Вы первым делом сделали, когда пришли в театр?

— Конечно, ошибок у меня поначалу было много. Директором я по-настоящему стал только лет через пять, первое время я старался понять структуру этого сложного организма.

«Пусть остальные видят наши пятки»

Кочнев мне всячески помогал. Ведь при коммунистах как было? Директор — он же председатель худсовета. Я для себя решил, что два года на всех худсоветах будет говорить Кочнев. А я буду сидеть и слушать. Не дай бог, музыкантам что-нибудь не так скажу про музыку, они этого не прощают. Старался как можно меньше специальных терминов употреблять и не давать оценок.

Естественно, с первых же дней на мне висело выполнение плана. По билетам, по зрителю, по доходам, по количеству спектаклей, по гастроллям... Но концы с концами сводил каждый год. Кстати, раньше мы ставили много спектаклей — 5–6 в сезон, в провинциальном театре надо часто менять репертуар... И все мы успевали.

А главное, — как только я пришел в 1982, началась реконструкция театра. Ею я занимался 9 лет. Самая большая беда была — гастролы (а выезжали 250 человек на два-три месяца): я пытался остаться в театре, заняться ремонтом, а Кочнев настаивал, чтоб я ехал. И я все время с гастролем «вырывался» в Саратов, самые сложные были годы. В 1991 мы открылись после реконструкции, стало легче. Но уже через год меня попросили с этого места.

— А как произошло «второе пришествие»?

— Когда меня «ушли» из министров, я решил, что в культуру больше не вернусь. Через два дня после увольнения мне позвонил Георгий Пряхин из издательства «Воскресение» (теперь он — среди первых лиц в селезневской партии) и предложил быть директором регионального представительства по всему Поволжью. Я проработал 4 месяца.

А из театра как раз уволилась директор-распорядитель. Кочнев месяца три меня уговаривал вернуться. И уговорил.

— Вернулись с радостью?

— Знаете, незадолго до этого вышла разгромная статья: Хрипин «разделал» Собиновский фестиваль. В принципе он был прав, фестиваль стал чахнуть.

Я пришел, посидел месяц и сказал Кочневу: «Зачем я вернулся? Если мы не «взорвем» наш город, не сделаем настоящий фестиваль, я уйду. Нечего тут делать». Можно сказать, что я его «завел». Кстати, он незадолго до этого был в Америке, это тоже сыграло свою роль. Кочнев на месяц «закрылся» и придумал новую концепцию фестиваля и еще один проект — «Оперные театры России на саратовской сцене».

Я тогда размышлял: какая же моя роль в театре, а какая — Кочнева? И понял: Кочнев — потрясающий генератор идей. А я — как стартер в двигателе, заставляю генератор работать. Теперь Кочнев сам вошел во вкус, и «толкать» его больше не надо. Так мы дали жизнь фестивалю.

— Дать жизнь фестивалю — это еще и придумать пути воплощения концепции. И финансовые в том числе.

— Конечно, спонсоры — это в большей степени моя заслуга. Я человек коммуникабельный, у меня очень много связей. Я всегда старался выполнять все, что пообещал. Поэтому мне доверяют и охотно идут на контакты.

Многое происходит случайно. Вчера, например, в театре был концерт для работников сельского хозяйства. Я встретил директора птицефабрики, который каждый год давал деньги на III премию для Конкурса конкурсов вокалистов. А в прошлом году — не дал. Я с ним поговорил, на следующий год он опять эту премию учредит. Тут любой способ хорош.

— Из чего состоит Ваш рабочий день?

— В полдевятого прихожу в театр, смотрю финансовый отчет за вечерний спектакль — сколько было зрителей, сколько билетов продано. Я этот учет веду много лет, каждый месяц анализирую. Просматриваю газеты.

А потом... Мне Кочнев все время говорит: «Вы в течение дня старайтесь хоть как-то отдыхать». А у меня никак не получается. Целый день дверь не закрывается... Я не назначаю никогда специально: это совещание всегда по вторникам, другое — по понедельникам. Старуюсь проводить совещания по мере необходимости. Производственные, по конкретному вопросу. Если появляется

проблема, собираю совещание, и мы ее быстренько решаем. А каждую неделю держать людей по два часа... Может быть, это и плохо: некоторые говорят, совещания помогают каждому узнать проблемы другого. Но у нас в театре все и так знают, какие есть проблемы. Если что-то случается, то в решении вопроса участвуют все.

Есть у меня один недостаток — редко смотрю спектакли. Когда целый день просидишь в кабинете, это тяжело. Исключение — премьеры или что-то неординарное. А вообще, не должен директор каждый день быть на спектакле. Привыкают к этому. А так — все время в ожидании.

— Вы умеете отдыхать?

— Для меня отдых — рыбалка. Я обязательно раз в неделю и летом, и зимой (зимой еще больше люблю) уезжаю на рыбалку. Как-то получается, что судаков в основном ловлю. Поразительно, но в этот день отключаешься. И хотел бы думать о работе, а на природе не получается. Эта «отключка» дает мне заряд на целую неделю.

— Существует ли идеальный образ, которому Вы хотите соответствовать? Как Вы для себя определяете эту профессию — директор оперного театра?

— Не знаю. Я считаю, что каждый на своем месте — директор он или нет — должен хорошо исполнять свои обязанности. А что касается профессии... Этому ведь не научить. У человека должны быть задатки от Бога. Так же, как и у дирижера.

Профессия директора — это бесконечный список умений и обязанностей. Как-то получается, что я всему театру помогаю — кому с врачами, кому с чем-то еще. Кстати, если серьезно, то это именно дело директора — продвигать творческих людей. Я думаю, что и Кочнев мне доверяет столько лет в том числе и поэтому.

Вот, например, история. Выдвинули Юрия Леонидовича на звание народного артиста. Как я ни пробивал (а без этого нельзя) — не дают и все, обком отказывает. Я через свои источники узнал, в чем дело — в «связях за границей». Друг Кочнева, Соломон Волков давно уехал в Америку. И к каждому празднику присылал оттуда открытки. Пришлось сказать Кочневу, чтоб не писал больше. Потом уже, будучи министром, я отстоял еще две вещи: Госпремию и звание «Почетный гражданин Саратова».

— Вы тоже почетный гражданин Саратова?

— Нет, я почетный гражданин Самойловского района. Я не шушу! Есть такой далекий район в области, 210 км от Саратова. Театр уже 43 года шефствует над ним, регулярно выезжает с концертами. Такого содружества ни у одного театра в России нет. А в Саратове это — как пароль: приходят люди, говорят — «Мы из Самойловки». Их всегда бесплатно на спектакль пропускают.

— Прочитав отзывы о Вас в саратовской прессе, зная, как к Вам относятся в театре, складывается впечатление, что Вы — и отец родной для театра, и строгий начальник, и мудрый чиновник, и что Вас любят абсолютно все. Есть что-то, за что Вас можно не любить?

— У каждого есть свое кредо. Я так устроен, если человек мне пакость сделал, он для меня перестает существовать. За это меня могут не любить.

Вообще, у меня нет иллюзий относительно «всенародной любви». Я один раз проверил. Был момент, когда секретарь обкома партии хотел нас с Кочневым из театра убрать. Я уже знал, что начальника управления культуры заставили подписать приказ о моем увольнении. Вечером подписал, а на следующее утро вызвал меня к себе.

А перестройка-то уже началась. На то же утро в театре было назначено заседание парткома, профкома и худсовета. Я пришел, встает первый трубака и говорит: «Просим Вас принять участие в выборах директора». Тогда модно стало директоров избирать...

Претендентов было трое. За меня проголосовали около 200 человек, за других — 73 и 23 соответственно. Кстати, один из кандидатов был оркестрантом.

После этого я понял, что в коллективе не обязательно все тебя должны любить.

— Вы знаете ситуацию в музыкальных театрах России?

— Каждую неделю из областной библиотеки я получаю перечень всех статей по музыкальному театру, вообще по музыке — что проходит в России, да и за рубежом. Я отмечаю, какие мне нужны, их приносятся. Так что я в курсе всего, что происходит. Прочитаю, несу Кочневу. Если надо, то и артистам даю. А уж без вашей газеты просто не могу. Столько черпаю информации! Приходит номер — сразу просматриваю, иногда начинаю «ревновать» — если о Саратове ничего нет.

С личным общением сложнее. В советское время проводились всяческие совещания, на которых мы встречались. Из последних встреч — к нам на фестиваль приезжал директор Омского музыкального театра. Мы хорошо пообщались, ничего друг от друга не скрывали. Теперь я знаю, как он некоторые вопросы решает. Он у меня какие-то документы взял, устав наш. Без обмена опытом, конечно, невозможно. Сидишь, сочиняешь, варишься в собственном соку, мучаешься — а кто-то это, наверное, уже открыл.

— В музыкальной инфраструктуре Саратова сложилась довольно жесткая конкурентная ситуация: оперный театр, филармония, консерватория, которая с открытием Большого зала тоже ведет концертную деятельность, Губернский хоровой театр. Ощущаете ли Вы эту конкуренцию? Корректируете ли свои планы? Что предпринимаете, чтобы оставаться лидером?

— Что касается публики, то нам никто не мешает — ни хор, ни филармония, ни орган, ни «Волга-бэнд». У нас свой зритель.

Боле того, в театре уже десять лет существует струнный квартет. Недавно он давал концерт в консерватории — был аншлаг. И это при том, что в филармонии существует квартет «Moz-art», в котором музыканты посильней. 6 января в театре будет Рождественский концерт нашего квартета с солисткой Ольгой Кочневой.

Существуют проблемы другого рода. Например, консерватория выпускает мало духовиков (кроме трубы), да и других специальностей тоже немного. А в городе — симфонический оркестр филармонии, наш оркестр, «Волга-бэнд». Много оркестров в военных учебных заведениях, там выше зарплата, туда идут.

Когда я был министром, пригласил к себе директора филармонии, Кочнева, Селянина [руководитель «Волга-Бэнд» — прим. ред.]. И открыто сказал: «Если ставить друг другу палки в колеса, толку не будет». Сейчас все как-то регулируется, баланс сохраняется, уж не знаю, надолго ли. Все руководители, будучи музыкантами, уважают друг друга и стараются не делать пакостей.

Если что-то подобного рода случается, это, скорее, исключение. Вообще, корректировка планов зависит больше от министерства культуры. Два года назад, например, на наш фестиваль «наложили» Губернаторский конкурс пианистов.

Примеров позитивных — значительно больше. 30 ноября Кочнев дирижирует оркестром нашей консерватории в Москве. Половина концертмейстеров — наши, мы их отпустили в эту поездку. Сейчас, я знаю, Кочнев задумал сыграть симфонический концерт в консерватории с нашим оркестром.

Людмила Лицова с удовольствием работает у нас на фестивалях. Некоторое время в нашем оркестре работала арфистка из филармонии. «Волга-Бэнд» нам дает банду в «Аиду», «Тангейзера». Конечно, мы со всеми заключаем договоры — бесплатно ничего не бывает.

Знаете, я иногда думаю: не дай Бог, настанет момент, когда мне уже ничего не будет нужно. Буду приходить, садиться в это кресло и думать, что я пуп земли.

Я как директор знаю одно: театр все время должен двигаться, развиваться. И наш театр, которым мы с Кочневым руководим, должен быть всегда впереди всех. Эту задачу надо решать всеми возможными способами — и творческими, и организационными... Для себя я формулирую так: «Пусть остальные видят наши пятки».

Беседу вела Марина БРОКАНОВА

Кияненко И.
(1974). 7.10.02